

Егору...

И вообще я понял, что только начинаю.
Как и положено — в сорок лет.

Из письма жене 16 октября 1978 года

Глава первая

Путь Довлатова в свободный мир оказался непростым. Встреча с ним затянулась на несколько лишних часов. Из дневника Игоря Ефимова:

Встречал в аэропорту Довлатова и его мать, Нору Сергеевну. Не встретил. Оказывается, что он так надрался при пересадке в Будапеште, что его не смогли перенести из автобуса в самолет. Прилетел на следующий день и позвонил уже из гостиницы. Я сразу к нему приехал, объяснил все варианты, какие их ждут. Они понемногу приходят в себя.

Сложности, сорвавшие вылет из венгерской столицы, начались еще при посадке в Союзе. Эра Коробова вспоминает в очерке «Мой сосед Довлатов», напечатанном в «Русской мысли»:

В недлинной очереди покидающих он был последним. Хотела написать «закрывающим», но закрывающим был не он, а следовавший за ним с автоматом наперевес и казавшийся малюсеньким пограничник. Все, кто был впереди по трапу, поднимались, оборачиваясь, но уже торопливо. Их быстро втянуло внутрь, и на середине трапа остались только двое. Сергей поднимался к самолету спиной, с руками, поднятыми высоко над головой, помахивая огромной бутылкой водки, уровень которой за время ожидания отлета заметно понизился. Двигался медленно, задерживаясь на каждой

ступени. Вторым был пограничник, который настойчиво и неловко подталкивал Сергея, и тот, пятась, как-то по частям исчезал в проеме дверцы.

Как бы пошло это ни звучало, алкоголь выполнил свою функцию анестетика, заглушив смятение чувств, пространственную дезориентацию. Нервы у эмигрантов выдерживали не всегда. Суховатый и собранный Ефимов в ожидании близкой мировой славы держался хорошо. Иные мастера слова срывались. Одновременно с Ефимовыми и Довлатовым с матерью в Вене оказалась семья писателя Кирилла Успенского (Косцинского). О нем я писал в первой части. В Вене он уже бывал. В 1945 году подполковник Косцинский участвовал в боях на улицах столицы Австрии. Теперь он оказался здесь с семьей в ожидании визы в Америку. Неопределенность действовала выматывающе. Ефимов пишет в дневнике 2 сентября 1978 года:

Очень худо с Кириллом. Он сказал, что Аня недавно, во время очередной ссоры, кинулась на него с ножом, так что он должен был вывернуть ей руку и надавать пощечин. Настоящая драма, но без всяких сложностей: просто вздорная, злая, ленивая, беспредельно эгоистичная баба.

На этом фоне жизнь Довлатова лишена ярких поворотов. Он с матерью селится в отеле с хорошим названием «Адмирал». Часть его расходов оплачивает Толстовский фонд. Тридцатого августа в Вену приезжает корреспондент «Радио Свобода» Юрий Борисович фон Шлиппе. В эфир он выходил под скромным именем Юрий Мельников. Шлиппе берет у Довлатова и Ефимова большие интервью. Материал с Довлатовым режется на три части и выходит 13, 16, 17 сентября. В передачах использовались отрывки из «Невидимой книги» в исполнении Юлиана Панича — известного советского акте-

ра, эмигрировавшего еще в 1972 году. Мельников интервью начал с интересного пассажа: виновато ли «Радио Свобода» в том, что Довлатов пострадал? Напомню, в апреле «Невидимая книга» транслировалась в эфире. Довлатов снимает с радиоголоса ответственность, напоминая о своих публикациях в «Континенте» и «Времени и мы».

Он рассказывает, что 29 апреля его избили в опорном пункте милиции: «Не очень жестоко, но достаточно энергично». Довлатов подписывает протокол о своем сопротивлении милиции. К протоколу прибавилось дело о хранении кастета — сувенира со времен службы в лагерной охране. Спohватившись, писатель уточняет, что сторожил уголовных преступников. В итоге писатель приходит к выводу, что после трансляции «Невидимой книги» его «отношения с государством обострились». Довлатов вспоминает участкового — майора Николая Михайловича Павлова, обещавшего «посадить абсолютно трезвого, идущего на цыпочках Довлатова по улице Рубинштейна в аквариум». Под «аквариумом» Павлов подразумевал камеру со стеклянными стенами. Майор приходит к писателю домой и изымает паспорт. Довлатов, приодевшись для солидности, отправляется за документом в опорный пункт. Там Павлов начал жаловаться дружинникам, что Довлатов предыдущим днем избил его и спустил с лестницы. Причем с пятого этажа. Писателя отвозят в отделение милиции и составляют протокол. На следующий день суд приговорил Довлатова к десяти суткам административного ареста. Стоит отметить либерализм ленинградской юстиции. Избиение представителя власти привело всего лишь к десятидневному заключению.

Довлатов называет тех людей, благодаря которым его заключения стали известны. Это в первую очередь жена. Через нее информация поступила к Владимиру Марамзину, живущему в Париже. Затем подключаются Владимир Максимов,

Вадим Делоне, Алексей Хвостенко. Довлатова освобождают досрочно и тут же выдают разрешение на выезд. Энергия ужаса способствовала тому, что Довлатов с матерью были готовы к отъезду за несколько дней до формального срока. Последние два дня Довлатов провел вне дома, чтобы не дать повода майору Павлову нанести прощальный визит с туманными, но заведомо малоприятными последствиями. Рассказ Довлатова о своих злключениях растянулся на две передачи. Нужно отметить, что он не героизировал себя в отличие от других коллег. Из письма Игорю Ефимову от 16 декабря 1978 года:

У нас все по-прежнему. Вадик [Бакинский] сказал корреспонденту радио, что на него было семь покушений. Прямо Лев Троцкий.

Теплого прощания с майором Павловым не случилось. Зато состоялась родственная встреча в Вене. О дяде Леопольде — брате отца Довлатова — есть рассказ в «Наших». Уехав из Союза в двадцатые и поселившись в Бельгии, Леопольд погрузился в стихию частного предпринимательства. Начиная с шестидесятых, отец Довлатова вступает с братом в переписку. Отрывок из «Наших»:

Леопольд писал, что у него сеть жена Хелена, сын Романо и дочь Моник. А также пудель, которого зовут Игорь. Что у него «свое дело». Что он торгует пишущими машинками и бумагой. Что бумага дорожает, и это его вполне устраивает. Что инфляция тем не менее почти разорила его.

Свою бедность Леопольд изображал так:

«Мои дома нуждаются в ремонте. Автомобильный парк не обновлялся четыре года...»

Письма моего отца звучали куда более радужно: «... Я — литератор и режиссер. Живу в небольшой уютной квартире. (Он имел в виду свою перегороденную фанерой комна-

тушку.) Моя жена уехала на машине в Прибалтику. (Действительно, жена моего отца ездила на профсоюзном автобусе в Ригу за колготками.) А что такое инфляция, я даже не знаю...»

Мой отец завалил Леопольда сувенирами. Отослал ему целую флотилию деревянных ложек и мисок. Мельхиоровую копию самовара, принадлежавшего Льву Толстому. Несколько фигурок из уральских самоцветов. Юбилейное издание «Кобзаря» Шевченко размером с надгробную плиту. А также изделие под названием «Ковчежец бронзированный».

Леопольд откликнулся белоснежным носовым платком в красивой упаковке.

Затем выслал отцу трикотажную майку с надписью «Эдди Шапиро — колеса и покрышки». Мой отец не сдавался. Он позвонил знакомому инструктору горкома. Раздобыл по благу уникальный сувенир. А именно — сахарную голову килограммов на восемь. В голубой сатинированной бумаге. Этакий снаряд шестидюймового калибра. И надпись с ятями: «Торговый дом купца первой гильдии Елпидифора Фомина».

Знакомого инструктора пришлось напоить коньяком. Уникальный сувенир был выслан Леопольду.

На встречу с дядей герой «Наших» отправляется один. Он рассказывает Леопольду о судьбе деда, не уточняя, что того расстреляли в 1938 году:

Официант принял заказ.

— Да, я чуть не забыл, — воскликнул Леопольд, — скажи, как умерли мои родители?

— Деда арестовали перед войной. Бабка Рая умерла в сорок шестом году. Я ее немного помню.

— Арестовали? За что? Он был против коммунистов?

— Не думаю.

— За что же его арестовали?

— Просто так.
— Боже, какая дикая страна, — глухо выговорил Леопольд, — объясни мне что-нибудь.
— Боюсь, что не сумею. Об этом написаны десятки книг. Леопольд вытер платком глаза.
— Я не могу читать книги. Я слишком много работаю... Он умер в тюрьме?
Мне не хотелось говорить, что деда расстреляли. И Моню (дядя Довлатова, умерший во время блокады Ленинграда. — М. Х.) я не стал упоминать. Зачем?..

Дальнейшее родственное общение свелось к поездке по Вене и посещению еще нескольких пунктов австрийского общества:

Что мне нравилось в дяде — передвигался он стремительно. Где бы мы ни оказывались, то и дело повторял:

— Скоро будем обедать.

Обедали мы в центре города, на террасе. Играл венгерский квартет. Дядя элегантно и мило потанцевал с женой. Потом мы заметили, что Хелена устала.

— Едем в отель, — сказал Леопольд, — я имею подарки для тебя.

В гостинице, уловив момент, Хелена шепнула:

— Не сердись. Он добрый, хоть и примитивный человек. Я ужасно растерялся. Я и не знал, что она говорит по-русски. Мне захотелось поговорить с ней. Но было поздно... Домой я вернулся около семи. В руках у меня был пакет. В нем тихо булькал одеколон для мамы. Галстук и запонки я положил в карман.

Литературный вариант корректируется документальными источниками. Из письма Довлатова жене от 14 октября 1978 года:

Были в трех ресторанах с Леопольдом. Я изнемогал, мама, бедная, заискивала. Думала, он ей зубы вставит.

Игорь Ефимов записывает в дневнике 6 октября:

Довлатов сообщил, что истратил все шиллинги и доллары, исследуя бездны австрийского дна. К нему приезжал богатый дядя из Бельгии — точь-в-точь советская карикатура на буржуа.

Общение с бельгийскими родственниками заглохло после переезда в Америку. Но рассказ был написан.

Пребывание Довлатова в Вене нашло отражение в автобиографической повести Григория Рыскина «Газетчик». Ее автор — журналист, окончивший Ленинградский университет, успевший, как и Довлатов, поработать в союзных республиках. В частности, Рыскин трудился в таком экзотическом издании, как «Комсомолец Туркменистана». Общая выездная волна подняла и его, хотя в профессиональном плане его жизнь складывалась довольно удачно. Я уже говорил, что эмиграцию многие выбирали не по конкретным причинам, а поддавшись общему, какому-то ветхозаветному отъездному настроению. Довлатова Рыскин шапочно знал по Ленинграду. В повести писатель выведен под фамилией Амбарцумов:

Прогуливаясь после полуночи по Кертнерштрассе, я увидел немислимую фигуру десантника неведомой страны. Он был в зеленой лягушачьей униформе, в солдатских шнурованных бусах. Головой десантник сшибал мартовские сосульки. Он вел на поводке толстенького фокстерьера и нежно беседовал с ним.

— Даже в Вене спасу нет от этих фрайеров из «Сайгона», — сказал вместо приветствия Амбарцумов. Это был, конечно, он. — Хоть на Ринге «Сайгон» открывай.

— Ничего не получится, публика не та. Ты только посмотри, кто едет.

Мы вышли на Ринг. У подъезда стоял румяный полицейский в золотых очках, похожий на кандидата наук.

— С тобой-то наверняка все хорошо, Амбарцумов, тебя вон классик в аэропорту лобызал.

— Иуда тоже Христа лобызал. Знаешь, сколько они платят за рассказ? Пообедать с дамой не хватит. На пару пива с бутербродами. А моя Ленка в Квинсе только за квартиру триста выкладывает.

— Тебе хорошо, тебя ждут.

— Может, заборы красить придется.

— С таким скелетом, как у тебя?

— А может, продать скелет в анатомический театр.

Тут есть вопросы, касающиеся венских мартовских сосулук, до которых Довлатов в Австрии просто не дожил. Но оставим мелкие придирки. Сцена отражает главное: «тебе хорошо, тебя ждут». Довлатов впервые за долгое время оказался в выигрышном положении. В отличие от мечущихся, растерянных эмигрантов он знал, куда и к кому едет. Довлатов ехал к семье. Его письма к жене и дочери в Америку — свидетельства внезапного осознания ценности дома и семьи. Дом остался позади — в Ленинграде, и туда не вернуться. Семья в Америке. В Америку попасть можно, но без семьи Довлатов себя там не представлял. Уже была попытка пятилетней давности, оставив семью, уехать в Таллин, чтобы там состояться как писатель. Книга не вышла, и семья оказалась под ударом. Жертвовавший многим ради литературы, Довлатов теперь думает и говорит иначе. Из письма жене от 16 октября 1978 года:

Лена, об Америке я знаю все, что можно знать, не побывав там. Планы, конечно, неопределенные. Мы по-разному смотрим на вещи. Ты — реально. Мы — эмоционально. Ты рассуждаешь по-деловому. Нам же — лишь бы соединиться. До того мы соскучились. До того не верили в это.

Автор внезапно решает, что «пережал» с эмоциональностью. Следует показать себя вдумчивым и готовым к ответственным решениям:

Соединимся и начнем жить. Я пытаюсь действовать не спеша, разобраться. Впереди — какая-то довольно серьезная жизнь.

... Леночка, не думай, я не идиот. Я знаю, что все сложно. Но главное — мы сделали правильно. Мы живы, относительно здоровы, главное впереди. Два-три года будут неустроенными и сложными. Но перспективы есть. Главное вырваться из этого сумасшедшего дома. Все время об этом помни. Никаких иллюзий не строю, пытаюсь рассуждать и действовать трезво. Вы вместе, мы любим друг друга. Все будет хорошо.

Довлатов всегда испытывал слабость к составлению всяческих списков. В очередном письме к жене от 24 октября 1978 выразил свой взгляд на будущее в пяти пунктах:

Основные принципы моей жизни таковы. По мере убывания остроты и важности:

1. Быть с вами.
2. Писать, что хочу.
3. Печатать лучшее из написанного.
4. Читать замеч. книги.
5. Как-то зарабатывать на жизнь.

В этих письмах нет привычных для Довлатова рассуждений о литературе, юмор одомашнивается и приобретает даже «буржуазный характер». Из письма жене от 29 декабря 1978 года:

Я много ем. Приобрел 2 кг шпига. Преобразовал в шкварки. Добавляю их в картошку, горох, фасоль и т.д. В чай пока не кладу. Еда здесь дешевая. И выпивка тоже, но что мне до этого? *(До выпивки.)*

Авторский курсив призван подчеркнуть крах алкоголя в жизни Довлатова. «Выпивка» символически заключена

в скобки. Писатель, нуждаясь в деньгах, вносит свой вклад в благоустройство Вены. Он зарабатывает 500 шиллингов, что равняется примерно 40 долларам, на уборке листьев в осенних парках австрийской столицы. На предложение заняться малярными работами писатель ответил отказом, сославшись на отсутствие подходящей одежды.

Хотя Довлатов и не говорит в письмах о литературе, писать он не прекращает. В эти несколько месяцев им написаны несколько текстов. Для только что открывшегося журнала Марамзина «Эхо» он пишет два эссе — «Рыжий» и «Уроки чтения». Первое о дебютной поэтической книге Владимира Уфлянда, ленинградского приятеля Довлатова, вышедшей в «Ардисе». Второе эссе о хождении тамиздата и самиздата в Союзе. Большая часть текста — ненавязчивая реклама «Континента»:

«Континент» в Ленинграде популярен необычайно. Любым свиданием, любым мероприятием, любой культурно-алкогольной идеей готов пренебречь достойный человек ради свежего номера. Хотя бы до утра, хотя бы на час, хотя бы вот здесь перелистать...

Далее рассказывается «абсолютно правдивая история» о некоем социологе Григоровиче. Его Довлатов снабдил свежим номером журнала, с которым тот и попадает в вытрезвитель:

— Давайте оформляться, Григорович. Получите одежду, документы... Шесть рублей с мелочью... Портфель... А журналчик...

— Книга не моя, — перебил Григорович.

— Да ваша, ваша, — зашептал капитан, — из вашего портфеля...

— Провокация, — тихо выкрикнул обнаженный социолог.

— Слушайте, бросьте! — обиделся капитан. — Я же по-человечески говорю. Журналчик дочитаю и отдам. Уж больно интересно. А главное — все правда, как есть... Все натураль-

но изложено... В газете писали: «антисоветский листок...»
Разве ж это листок? И бумага хорошая...

— Там нет плохой бумаги, — сказал Григорович, — откуда ей взяться? Зачем?

— Действительно, — поддакнул капитан, — действительно... Значит, можно оставить денька на три? Хотите, я вас так отпущу? Без штрафа, без ничего?

— Хочу, — уверенно произнес Григорович.

— А журнал верну, не беспокойтесь.

— Журнал не мой.

— Да как же не ваш?!

— Не мой. Моего друга...

— Так я же верну, послезавтра верну...

— Слово офицера?

— При чем тут — офицера, не офицера... Сказал, верну, значит, верну. И сынок мой интересуется. Ты, говорит, батя, конфискуй чего-нибудь поинтереснее... Солженицына там или еще чего... Короче, запиши мой телефон. А я твой запишу... Что, нет телефона? Можно поговорить с одним человеком. Я поговорю. И вообще, если будешь под этим делом и начнут тебя прихватывать, говори: «Везите к Лапину на улицу Чкалова!» А уж мы тут разберемся. Ну, до скорого... Так они и дружат. Случай, конечно, не типичный. Но подлинный...

Главного редактора «Континента» Владимира Максимова в то время Довлатов почти любил. Чувство было зрячим, не без расчета. Из письма жене от 6 ноября 1978 года:

Идеально ведет себя один Максимов. Он тоже самовольно присваивает копирайт. Зато обещает помочь издать след. книгу. Уже толстую, настоящую.

Слова о «толстой, настоящей книге» требуют пояснения, так как рождают представления о наличии тонкой и ненастоящей

Оглавление

Глава первая	7
Глава вторая	30
Глава третья	77
Глава четвертая	104
Глава пятая	158
Глава шестая	243
Глава седьмая	276
Глава восьмая	311
Глава девятая	327
Глава десятая	362
Глава одиннадцатая	392
Глава двенадцатая	437
<i>Заключение</i>	504
Избранная библиография	526